
СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-90-95
УДК 347.6 + 347.4

Дата поступления статьи: 21/ХП/2018
Дата принятия статьи: 27/І/2019

О. Н. Замрий

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕРЕСОМ ПРИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА

© **Замрий Олег Николаевич** (zamriy.on@tversu.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности, **Тверской государственной университет**, 170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

Тема кандидатской диссертации: «Гражданско-правовые средства противодействия легализации объектов гражданских прав, приобретенных незаконным путем». Автор 27 научных работ, в том числе учебных пособий и монографий, ряд научных трудов написан в соавторстве: «Основы гражданского и административного судопроизводства» (2016), «Модернизация законодательства современной России в контексте различных отраслей права: проблемы и суждения» (2016), «Развитие норм права в условиях новых социально-экономических и политических реалий в России» (2016), «Институциональные вызовы современной России: экономика и право» (2016).

Область научных интересов: добросовестность, злоупотребление правом, злоупотребление интересом.

АННОТАЦИЯ

В статье продемонстрированы взаимосвязь и взаимообусловленность добросовестности лиц, вступающих в брак, и признания государством действительности брачного союза. Представлен новый взгляд на статус добросовестного супруга, установлено соотношение добросовестного поведения супруга и злоупотребления им интересом при заключении брака. Проведены параллели между принципом добросовестности в гражданских правоотношениях и презумпцией добросовестности супругов как субъектов семейных правоотношений, действительность которых оспаривается в суде.

Ключевые слова: семейные правоотношения, недействительность брака, фиктивность брака, добросовестность, злоупотребление правом, злоупотребление интересом.

Цитирование. Замрий О.Н. Добросовестность и злоупотребление интересом при недействительности брака // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-90-95>.

FAIRNESS AND ABUSE OF INTEREST IN VALIDITY OF MARRIAGE

© **Zamriy Oleg Nikolaevich** (zamriy.on@tversu.ru), Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Civil Procedure and Law Enforcement Activity, **Tver State University**, 33, Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Civil legal means of countering the legalization of objects of civil rights acquired by illegal means». Author of 27 scientific works, including textbooks and monographs, a number of scientific papers written in collaboration: «Basis of civil and administrative proceedings» (2016), «Modernization of legislation of modern Russia in the context of various branches of law: problems and judgments» (2016), «Development of law in the new socio-economic and political realities in Russia» (2016), «Institutional challenges of modern Russia: economics and law» (2016).

Research interests: good faith, abuse of right, interest misuse.

ABSTRACT

The article demonstrates the interconnection and interdependence of the good faith of persons entering into marriage, and the recognition by the state of the reality of a marriage union. A new look at the status of a bona fide spouse is presented, the ratio of spouse's good faith behavior and misuse of interest in marriage is established. Parallels were made between the principle of good faith in civil matters and the presumption of good faith of spouses as subjects of family relations, the validity of which is challenged in court.

Key words: family relationships, nullity of marriage, marriage fictitiousness, good faith, abuse of right, interest misuse.

Citation. Zamriy O. N. *Dobrosovestnost' i zloupotreblenie interesom pri nedeistvitel'nosti braka* [Fairness and abuse of interest in validity of marriage]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-90-95> [in Russian].

Семейные правоотношения обладают рядом уникальных признаков, отражающих специфику юридических фактов и субъектного состава, содержания и формы, иных структурных элементов правоотношений. Несмотря на определенное сходство и, возможно, даже частичное подтверждение отраслевой подчиненности семейных правоотношений и гражданских, некоторые «сквозные» понятия и институты характеризуются особенностями, обусловленными отраслевой самостоятельностью. В полной мере это относится к категории «добросовестность» и некоторым институтам семейного права, содержащим соответствующий квалифицирующий признак.

Распространение в настоящее время различных форм организации сожительства мужчины и женщины сохраняет актуальность научной дискуссии о браке как единственно возможной легальной форме союза мужчины и женщины, о необходимости признания различных видов сожительства мужчины и женщины как аналога брака, о применении к супружеским отношениям различных договорных конструкций и т. п. [1–3].

Признавая абсолютность содержательной ценности и практической значимости указанных вопросов, полагаем возможным отметить в рамках настоящей статьи лишь один аспект, присущий любой форме организации отношений мужчины и женщины, – добросовестность поведения участников союза.

В современной юриспруденции содержание принципа добросовестности исследуется с точки

зрения как общей теории права, так и в контексте отраслевого регулирования. Некоторые ученые заявляют, что добросовестность в семейном праве имеет комплексное значение. Так, по мнению Д. С. Ксенофонтовой, «принцип-метод добросовестного осуществления семейных прав служит условием реализации целеполагающего принципа гарантированного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей» [4, с. 38].

В рамках настоящей статьи не предполагается исследование категории добросовестности как института семейного права вообще, однако полагаем возможным не согласиться с представленным мнением. Принцип добросовестности в семейном праве в большей степени определяет поведение членов семьи и субъектов семейных правоотношений, которые осуществляют свои права и обязанности в семье, руководствуясь частными интересами. Если же апеллировать к добросовестности как элементу метода семейно-правового регулирования, то явное превалирование публичного интереса исключает, на наш взгляд, добросовестность как признак поведения.

В связи с этим выражаем солидарность с В. В. Кулаковым в том, что «принципы семейного права адресованы государству, в первую очередь законодателю» [5, с. 18].

Отличие от Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) не включает принцип добросовестности в число основных на-

чал правового регулирования, что в то же время не исключает возможности учета и применения данного принципа при регулировании отношений, составляющих предмет семейного права.

Непосредственно в нормах СК РФ категория «добросовестность» используется законодателем при регламентации последствий недействительности брака. Аннулирование в таком случае почти всех правовых последствий государственной регистрации брака ставит под сомнение добросовестность каждого из лиц, вступивших в этот брак. Однако законодатель допускает, что один из супругов может быть добросовестным, если его права были нарушены заключением брака.

Для того чтобы выявить признаки, подтверждающие добросовестность одного из супругов, обратимся непосредственно к основаниям недействительности брака (ст. 27 СК РФ), что требует одновременно соотнесения и с кругом лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным (ст. 28 СК РФ).

Обращает на себя внимание то, что законодатель предусматривает широкий, но при этом ограниченный круг потенциальных истцов по делам о недействительности брака, устанавливая прямую зависимость между основаниями недействительности брака и наделением соответствующим правом того или иного субъекта. Такой подход предполагает тщательное исследование института недействительности брака с точки зрения возможного злоупотребления интересом со стороны истца при добросовестности или, наоборот, недобросовестности супругов (одного из них).

Первую группу оснований недействительности брака составляют те или иные нарушения условий и препятствий к заключению брака (ст. 12–14 СК РФ).

Итак, при нарушении условия о достижении лицами так называемого брачного возраста трудно предположить, что кто-либо из них не был осведомлен о соответствующем факте. Вместе с тем иск о признании брака недействительным в этом случае могут заявить как сам несовершеннолетний супруг, так и его родители (лица, их заменяющие), орган опеки и попечительства или прокурор.

Отметим, что после достижения несовершеннолетним супругом совершеннолетия иск о признании брака недействительным может предъявить лишь он сам.

Применительно к данному основанию недействительности брака СК РФ предусматривает процедуру санации, то есть «оздоровления» брака: если в суде будет установлено, что сохранение брачных отношений отвечает интересам несовершеннолетнего супруга, то в удовлетворении иска о признании данного брака недействительным может быть отказано. Как императивное предписание следует воспринимать и то, что для признания недействительным брака, заключенного с несовершеннолетним при отсутствии соответствующего разрешения, необходимо получить согласие самого несовершеннолетнего супруга (п. 2 ст. 29 СК РФ).

Таким образом, принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, провозглашенный в ст. 1 СК РФ, про-

слеживается при регулировании и данной сферы семейных отношений. Несмотря на прямое нарушение предусмотренного законом условия о достижении лицами, вступающими в брак, определенного возраста и констатацию данного факта судом, именно частные интересы несовершеннолетнего супруга определяют перспективу правовых последствий: брак может быть сохранен или же признан недействительным, если на то даст согласие несовершеннолетний супруг.

Таким образом, несовершеннолетний, совершивший правонарушение при заключении брака и его государственной регистрации, действуя при этом явно недобросовестно и противоправно, имеет преимущественное право перед всеми иными субъектами и судом как носителем публичной власти.

Заметим, законодатель использует конструкцию «суд может отказать в иске», что не исключает и совершенно противоположного решения. Однако однозначно можно утверждать, что при нарушении условия о брачном возрасте добросовестный супруг как субъект априори отсутствует.

Примечательно, что, обозначая лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным по иным основаниям, законодатель использует различные квалифицирующие признаки.

Так, если при заключении брака было нарушено условие о взаимном добровольном согласии, то есть один из супругов выразил свое согласие в результате принуждения, обмана, заблуждения или он в момент государственной регистрации заключения брака находился в таком состоянии, что не мог понимать значение своих действий и руководить ими, законодатель именуется его следующим образом – «супруг, права которого нарушены заключением данного брака» (абзац третий п. 1 ст. 28 СК РФ).

Если же одно из лиц, вступающих в брак, скрыло от другого лица то, что имеет венерическое заболевание или же является носителем ВИЧ-инфекции, последнее может обратиться в суд с иском о признании такого брака недействительным (п. 3 ст. 15 СК РФ). В абзаце 6 п. 1 ст. 28 СК РФ такой супруг тоже обозначен как потенциальный истец по иску о недействительности брака, аналогична и формулировка – «супруг, права которого нарушены».

Таким образом, обозначая два отмеченных выше основания недействительности брака, законодатель презюмирует добросовестность соответствующего супруга, поскольку указывает на нарушение прав этого супруга вследствие заключения данного брака.

Достаточно широко в ст. 28 СК РФ определен круг лиц, которые могут предъявить иск о недействительности брака, который был заключен, несмотря на наличие препятствий, указанных в ст. 14 СК РФ. Кроме органа опеки и попечительства, прокурора с таким иском могут обратиться субъекты как оспариваемого семейного правоотношения, так и иных правоотношений, например, супруг по предыдущему расторгнутому браку, а также иные лица, права которых были нарушены заключением оспариваемого брака. В частности,

недобросовестность лиц, заключивших брак при наличии препятствий, предусмотренных законом, может повлечь нарушение прав детей, родившихся в предыдущем нерасторгнутом браке, либо детей, родившихся в браке лиц, являющихся близкими родственниками.

Полагаем, что применительно к препятствиям, обозначенным в ст. 14 СК РФ, недобросовестность обоих лиц, вступивших в брак, явствует при заключении брака между усыновителем и усыновленным. Однако не исключено, что при заключении брака между близкими родственниками, лицами, из которых хотя бы одно признано недееспособным, а также между лицами, из которых хотя бы одно состоит в другом нерасторгнутом браке, недобросовестным выступает только одно лицо. Однако законодатель, в отличие от приведенных позиций выше, не констатирует факт нарушения прав такого супруга, называя его «супруг, не знавший о наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака» (абзац 4 п. 1 ст. 28 СК РФ).

Аналогичный подход прослеживается и при наделении супруга правом требовать признания брака недействительным в случае его фиктивности: «...не знавший о фиктивности брака супруг» (абзац 5 п. 1 ст. 28 СК РФ).

Таким образом, при предъявлении иска о признании брака недействительным потенциально добросовестным супруг выступает лишь в двух случаях:

- если брак был заключен при отсутствии его добровольного на то согласия;
- если другое лицо при заключении брака скрыло от него наличие венерического заболевания или ВИЧ-инфекции.

Можно предположить, что при наличии отмеченных оснований недействительности брака такой супруг сразу же может предъявлять и те требования, которые обозначены в п. 4 ст. 30 СК РФ как специальные правовые последствия недействительности брака. И обусловлено это тем, что непосредственно законодатель, используя квалифицирующий признак «нарушение прав заключением такого брака» в п. 1 ст. 28 и п. 4 ст. 30 СК РФ, определил статус добросовестного супруга.

Представляется, что если супруг предъявляет иск о признании брака недействительным, заявляя о нарушении условия о достижении брачного возраста или же о фиктивности брака, то он должен доказать свою добросовестность в контексте выраженной законодателем позиции в п. 4 ст. 30 СК РФ. Это означает, что, только подтвердив факт нарушения его прав заключением данного брака, соответствующий супруг может претендовать на статус добросовестного супруга и заявлять требования, указанные в п. 4 ст. 30 СК РФ.

На наш взгляд, ситуация весьма парадоксальна: правовое значение при оценивании поведения лица, вступающего в брак, как добросовестного имеет не столько добросовестный характер его поведения на этапе заключения брака, сколько факт нарушения его прав со стороны другого лица, брак с которым предполагается недействительным.

Представляется, что наиболее ярко высказанное суждение может быть продемонстрировано на примере фиктивного брака, если он был заключен одним из супругов без намерения создать семью. Допустим, женщина не предполагала фиктивность намерений мужчины и вступила в брак с целью создания семьи. Узнав через некоторое время об отсутствии аналогичных намерений у своего теперь уже супруга, жена обратилась в суд с иском о признании их брака недействительным. Однако, несмотря на добросовестность поведения женщины при заключении брака, она не может заявить дополнительные требования, предусмотренные в п. 4 ст. 30 СК РФ, пока не докажет, что ее права нарушены, какие именно права и в чем суть нарушения.

Супруг, который не знал о том, что его супруг состоял в другом нерасторгнутом браке на момент заключения данного союза, фактически пребывает в таких же по сути фиктивных отношениях.

Кстати, нельзя оставить без внимания и то, что суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью. Таким образом, изначально недобросовестное поведение обоих или одного из супругов не исключает последующего признания соответствующего союза браком. Очевидно, превалирование частных интересов в данной сфере семейных правоотношений способно повлечь и такое последствие, как отказ в удовлетворении иска о признании фиктивного брака недействительным.

Полагаем уместным привести ст. 45 Кодекса Республики Беларусь¹ о браке и семье и разъяснения, содержащиеся в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 года № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»². В частности, в соответствии с законодательством этого государства фиктивным следует считать только такой брак, при регистрации которого намерение создать семью отсутствовало у обеих сторон. При отсутствии такого намерения у одной из сторон брак может быть признан недействительным как заключенный под влиянием обмана, то есть без взаимного согласия, необходимого для заключения брака.

Считаем, что такой подход вполне обоснован и позволяет придать правовое значение не только намерениям сторон при заключении брака, но и добросовестности (недобросовестности) их поведения при возникновении соответствующих семейных правоотношений.

Заметим, что некоторые представители науки семейного права априори одного из супругов именуют «недобросовестным». Так, А. Ю. Беспалов, исследуя вопрос ответственности одного из супругов при признании брака недействительным, пишет: «...между поведением недобросовестного супруга и наступлением вреда необходимо наличие причинной связи» [6, с. 15].

О наличии «недобросовестной стороны» в союзе мужчины и женщины заявляют и те авторы, которые ратуют за признание сожителства браком: «Это, во-первых, стабилизирует общественные от-

ношения, введя в правовое поле миллионы людей, живущих вне нормального правового статуса (не исключаем, правда, что и вполне по собственному желанию), а во-вторых, лишит сожителство тех преимуществ (как правило, для недобросовестной стороны), которое оно дает сейчас...» [7]. Согласимся, совместное проживание мужчины и женщины в так называемом «гражданском» браке сопровождается наличием некоторых преимуществ. Однако вряд ли можно утверждать о наличии в таком союзе недобросовестной стороны, пользующейся теми или иными преимуществами. Полагаем, что по отношению к третьим лицам, пребывающим за пределами этого союза, каждый из квазисупругов может иметь некоторые преимущества, например, для государственного служащего не требуется предоставление декларации о доходах. Но непосредственно в пределах союза не может быть «недобросовестной стороны», потому как отсутствует правоотношение в принципе [8].

Вопросы правового регулирования фактических брачных отношений и перспективы легального их признания обычно исследуются именно в данном ракурсе – какие преимущества приобретают мужчина и женщина после государственной регистрации заключения брака.

На наш взгляд, есть все основания утверждать о латентности фиктивных браков, заключенных исключительно с целью приобретения соответствующих преимуществ: в налоговых, трудовых, социальных и иных правоотношениях супружество как основание семейно-правового статуса создает для субъекта весьма привилегированное положение. Однако можно ли в подобных ситуациях предполагать добросовестность намерений и поведения лиц, вступающих в брак? Более того, как добросовестность/недобросовестность мужчины и женщины соотносятся с целью заключения брака – созданием семьи?

Достаточно длительный период на страницах научной и периодической печати обсуждается вопрос фиктивных браков, заключенных с трудовыми мигрантами, с целью получения последними гражданства Российской Федерации [9]. Глобальный характер обозначенной проблемы и противоречие ее публичному интересу в механизме регулирования семейных отношений обусловили внесение изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В частности, разрешение на временное проживание в РФ за пределами квоты иностранный гражданин сможет получить только в том субъекте Российской Федерации, где проживает его супруг – гражданин РФ. Специальное правило будет действовать и при наличии родителей и (или) детей – граждан РФ³.

Сопоставляя содержание принципа добросовестности в гражданском и семейном праве, следует отметить особенности и тех отношений, которые предшествуют правовым. Как известно, гражданское законодательство придает правовое значение предварительному договору, публичному обещанию и другим аналогичным формам взаимоотношений сторон, распространяя действие принципа добросовестности и в данной сфере. Однако семейному законодательству несвойственно регу-

лирование добрых отношений, СК РФ устанавливает лишь условия и порядок вступления в брак как некий формат, обусловленный публичным интересом. Непосредственно отношения между мужчиной и женщиной, намеревающимися вступить в брак, формально находятся за пределами семейно-правового регулирования. Полностью согласимся с П. А. Якушевым в том, что не только обещание вступить в брак, но даже подача в орган записи актов гражданского состояния заявления о заключении брака не влекут никаких правовых последствий [10].

Соответственно, добросовестность/недобросовестность лиц, намеревающихся вступить в брак, никакого правового значения не имеет.

К сожалению, большинство исследователей оставляет за пределами внимания норму, содержащуюся в п. 3 ст. 15 СК РФ: «Если одно из лиц, вступающих в брак, скрыло от другого лица наличие венерической болезни или ВИЧ-инфекции, последнее вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным (статьи 27–30 настоящего Кодекса)». Заметим, что речь именно о сокрытии, то есть намеренном утаивании соответствующей информации, что позволяет квалифицировать поведение этого лица как недобросовестное.

В связи с этим вполне правомерным видится вопрос, обозначенный нами выше, что же является основанием недействительности брака в данном случае: а) сокрытие заболевания или же б) нарушение прав одного из супругов вследствие того, что другой супруг скрыл наличие соответствующего заболевания. На наш взгляд, явная недобросовестность одного из лиц, вступающих в брак, что выразилось в сокрытии заболевания, сама по себе еще не является основанием недействительности брака, это лишь основание для обращения другого супруга в суд с иском о недействительности брака (п. 3 ст. 15 СК РФ). Можно предположить, что, если недобросовестный супруг не успел заразить другого супруга венерическим заболеванием или передать ему ВИЧ-инфекцию, то, следовательно, права другого супруга не нарушены и суд откажет в удовлетворении иска о признании брака недействительным.

Безусловно, поведение мужчины и женщины при заключении брака, их воля и волеизъявление определяются сугубо частными интересами каждого из них, потребностью в получении тех или иных благ и т. д. Злоупотребление интересом, в свою очередь, определяет вектор добросовестности/недобросовестности и, как следствие, признание государством действительности заключенного союза.

Вышеизложенные суждения позволяют утверждать, что при признании брака недействительным и применении специальных правовых последствий недействительности брака законодатель учитывает не только изначально недобросовестное поведение обоих супругов (одного из них), но и факт нарушения прав одного из супругов, добросовестность которого презюмируется.

Примечания

¹ URL: https://belzakon.net/Кодексы/Кодекс_о_Браке_и_Семье_РБ (дата обращения: 15.12.2018).

² URL: https://belzakon.net/аконотательство/Постановление_Пленума_Верховного_Суда_РБ/2000/89263 (дата обращения: 15.12.2018).

³ Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 507-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 29 декабря 2018 года. № 295 (7758).

Библиографический список

1. Ильина О. Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3 С. 13–24. URL: http://vestnik.tversu.ru/journals/3/documents/526/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE_3-2018.pdf?1539848762.

2. Беспалов Ю. Ф., Гордеюк Е. В. Укрепление российской семьи, основанной на браке, и свобода брачного союза: проблемы семейного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 86–90. URL: http://prigospress.ucoz.ru/index/arkhiv_pig_2016_10_1/0-336.

3. Габитов И. М., Шарафуллина Р. Р. Брак как форма контракта // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7. С. 321–323. URL: <https://eurasianlaw.ru/en/2017/7-110-2017>.

4. Ксенофонтowa Д. С. Принцип гарантированного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей в сфере алиментирования // Семейное и жилищное право. 2015. № 1. С. 36–39. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/semejnoe-i-zhilishchnoe-pravo/1>.

5. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78) май. С. 16–20. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.78.5.016-020>.

6. Беспалов А. Ю. Недействительность брака в Российской Федерации. Некоторые материально- и процессуально-правовые аспекты. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. URL: <https://rucont.ru/efd/352367>.

7. Паничкин В. Б., Паничкина Е. В. Предпосылки и способы институционализации сожительства в брак в российском праве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 18–24. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2017/semejnoe-i-zhilishchnoe-pravo/4>.

8. Замрий О. Н. Фиктивность в фактических брачных отношениях: содержание и формы интересов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 66–70. URL: <http://vestnik.uriu.ranepa.ru/2017/07/05/fiktivnost-v-fakticheskix-brachnyx-otnosheniyax-soderzhanie-i-formy-interesov>.

9. Колударова С. В. Браки с мигрантами в российском обществе // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 3. С. 105–111. DOI: [10.17922/2071-3665-2017-16-3-105-111](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-3-105-111).

10. Якушев П. А. Обещание вступить в брак и последствия его невыполнения: пределы правового регулирования в России и странах Европы // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 22–25.

References

1. Pina O. Yu. *Sistema koordinat v semeinykh pravootnosheniyakh: interes kak predposylka smeshcheniya parametrov* [The coordinate system in family relationships: interest as a prerequisite for the offset parameter]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya «Pravo» [Herald of Tver State University. Series: Pravo], 2018, no. 3, pp. 13–24. Available at: http://vestnik.tversu.ru/journals/3/documents/526/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE_3-2018.pdf?1539848762 [in Russian].

2. Беспалов Ю. Ф., Гордеюк Е. В. *Ukreplenie rossiiskoi sem'i, osnovannoi na brake, i svoboda brachnogo soyuza: problemy semeinogo zakonodatel'stva* [Consolidation of the Russian family, based on marriage and freedom of marriage: the problem of the family law of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2016, no. 10, pp. 86–90. Available at: http://prigospress.ucoz.ru/index/arkhiv_pig_2016_10_1/0-336 [in Russian].

3. Gabitov I. M., Sharafullina R. R. *Brak kak forma kontrakta* [Marriage as a form of contract]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2017, no. 7, pp. 321–323. Available at: <https://eurasianlaw.ru/en/2017/7-110-2017> [in Russian].

4. Ksenofontova D. S. *Printsip garantirovannogo osushchestvleniya semeinykh prav i ispolneniya obyazannostei v sfere alimentirovaniya* [Principle of guaranteed effectuation of family rights and performance of obligations in the sphere of alimony]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2015, no. 1, pp. 36–39. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/semejnoe-i-zhilishchnoe-pravo/1/> [in Russian].

5. Kulakov V. V. *Printsipy semeinogo prava* [Principles of Family Law]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2017, no 5(78), pp. 16–20. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.78.5.016-020> [in Russian].

6. Беспалов А. Ю. *Nedeistvitelnost' braka v Rossiiskoi Federatsii. Nekotorye material'no- i protsessual'no-pravovye aspekty* [Invalidity of marriage in the Russian Federation. Some substantive and procedural legal aspects]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. Available at: <https://rucont.ru/efd/352367> [in Russian].

7. Panichkin V. B., Panichkina E. V. *Predposylki i sposoby institutsionalizatsii sozhitelstva v brak v rossiiskom prave* [Prerequisites and Means of Institutionalization into Marriage in Russian Law]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2017, no. 4, pp. 18–24. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2017/semejnoe-i-zhilishchnoe-pravo/4/> [in Russian].

8. Zamriy O. N. *Fiktivnost' v fakticheskikh brachnykh otnosheniyakh: sodержание i formy interesov* [Fictitious in actual marital relations: the content and the form of interest]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* [North Caucasus Legal Vestnik], 2017, no. 2, pp. 66–70. Available at: <http://vestnik.uriu.ranepa.ru/2017/07/05/fiktivnost-v-fakticheskix-brachnyx-otnosheniyax-soderzhanie-i-formy-interesov/> [in Russian].

9. Koludarovа S. V. *Braki s migrantami v rossiiskom obshchestve* [Marriages with Migrants in Russian Society]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], 2017, no. 3, pp. 105–111. DOI: [10.17922/2071-3665-2017-16-3-105-111](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-3-105-111) [in Russian].

10. Yakushev P. A. *Obeshchanie vstupit' v brak i posledstviya ego nevypolneniya: predely pravovogo regulirovaniya v Rossii i stranakh Evropy* [Promise of Marriage, and the Consequences of its Abandonment: Limits of Legal Regulation in Russia and Europe]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2017, no. 2, pp. 22–25. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2017/semejnoe-i-zhilishchnoe-pravo/2/> [in Russian].